Published on *МКУ ЦОДОУ* (http://46.45.32.78:8080)

Великой Победе 65. Самойлин Виктор Васильевич, Герой России.

Опубликовано пн, 23/08/2010 - 00:19 пользователем Гость (не проверено)

Родился я в Каслях, родословная моя прослежена до 7 поколения. В общем, настоящий «демидовец». Мои предки были связаны с Каслинским чугунолитейным заводом, возили на лошадях руду, некоторые были мастерами завода. В 1942 году, после окончания десяти классов средней школы № 2, на второй день после школьного бала, нас направили в военкомат.

К нам приехал из Уфалея военный комендант. Фамилия его, как сейчас помню, Емельянов, капитан. Вот он нас и спрашивает: «Ну что ребята, что дальше думаете делать?» Некоторые отвечали: «Родину защищать».

Вот он и говорит: «Есть предложение поступить в Васильковское лётно-техническое училище» Это в Миассе. А у меня мечта была – стать лётчиком. Я ходил в детскую техническую школу и увлекался авиамоделизмом, делали планеры, шары Монгольфье и прочее. Ладно, думаю, всё-таки, это авиация, и в лётчики потом определиться будет легче. В Уфалей добирались пешком. Здесь собрались со всей области. Нас посадили в вагоны и направили в Миасс. Разместили в казармах, разбили по ротам, батальонам, и мы начали учёбу. Учились все хорошо. В августе нас собрали и сообщили, что переводят в Тюмень в Таллинское пехотное училище. Мы опустили головы, ведь хотели быть в авиации, но приказ есть приказ. Кстати, в этом же училище нам объявили приказ Верховного Главнокомандующего № 227 «Ни шагу назад», он так и назывался. Паникёров и трусов расстреливать на месте. Немец пёр во всю, была паника, как в войсках, так и в тылу. Без этого приказа, как я сейчас понимаю, да и тогда было ясно, остановить немца было невозможно. В училище было три батальона: пехотный, миномётный и пулемётный. Я попал в миномётный.

Преподавателями были в основном эстонцы, мужики были строгие, но справедливые. 28 февраля нас строят и объявляют фамилии; оставили в училище от нас 30 человек, отличников. Из полутора тысяч человек остался один взвод. Остальных отправили на фронт под Харьков. Там они почти все полегли. В апреле 43 года документы на присвоение званий отправили в Москву.

Нас, уже в звании лейтенантов, повезли на запад через Свердловск, Елец в Старый Оскол. Здесь, мы пробыли около месяца, когда началась Курская битва. Была страшная битва, смешались кони, пушки, люди, горели танки. Я не представлял, что железо, сталь могут так гореть. Я командовал миномётным взводом. Во взводе было 10 человек, вооружение - два миномёта 120мм, по 5 человек в каждом расчёте: командир миномёта, наводчик, подносчики (2 человека), последние готовили заряды.

Курская битва для нас закончилась благополучно, наверное, были не на самом опасном участке. Затем марш на Днепр. Форсировали реку на подручных средствах. Я переправлялся на какой-то доске. Миномёты с лошадьми переправляли на пароме. Добрались до берега, переправа закончилась благополучно, и тут нас немцы встретили. Но мы закрепились на берегу, а затем быстро продвинулись вперёд. Миномёты применялись разные. Были 50 миллиметровые и 85 мм. Их переносили вручную. А наши 120 мм – это довольно крупное оружие. Дальность выстрела 6 километров. Для перевозки миномётов использовали лошадей, в основном монголок. Это маленькое и очень выносливое животное.

7 ноября освободили Киев, но мы не дошли до Киева, нас повернули направо, и как раз мы проходили мимо Васильковского училища, нам показали, что оно здесь находится.

Первое боевое крещение произошло так. Налетели самолёты, и мы попали под бомбёжку. Из двенадцати человек нас осталось восемь. Самый сильный бой был под Шепетовкой. Вечером в метрах 300-400 от нас стояли немцы. Они поддали и пошли в психическую атаку. Я оказался в боевых порядках пехоты. Немцы залетели в наши траншеи. Рукопашная длилась минут 20. Мы их выбили, а затем преследовали. Потом мы оказались почти в окружении. Дело было к ночи. Нам пришлось отступить. Поэтому они нас в кольцо не замкнули. Это было в ноябре 43 года. Затем Тернополь, Старый Константинов, здесь нас немец сильно прижал, но мы выстояли. Затем Житомир, Бердичев. Здесь в январе 44 года нас сформировали.

В июле мы подошли к Днестру, сосредоточились и замаскировались в кукурузном поле. Это нас спасло. Река Днестр быстрая. Я переправлялся с разведчиками. Из 10 человек, разместившихся в лодке, вышли на берег только четверо, остальных ранило или убило. Обстреляли нас из

пулемётов. Правый берег был высокий, здесь окопались румыны. Их наша артиллерия накрыла, и они драпанули. Остальные, которые следовали за нами, перебрались без особых потерь. Дошли до польской границы без боёв. В район Сандомира вышли в октябре, разместились на свёкольном поле. Тылы отстали, поэтому кормили нас неважно, в основном жидким гороховым супом. Приходилось есть и сахарную свеклу с поля. Лошадей кормили соломой с крыш и свёклой.

Сандомирское наступление началось с часовой артподготовки, вместе с миномётами было сосредоточено 400 стволов на 1 километр. Это было 12 января 1945 года. Прошла и штурмовая авиация. Прорвали первый рубеж обороны, второй, ну и пошли дальше. В Штейнау, городишке районного значения, догоняет нас полк самоходок СУ-76. А от полка осталось всего 6 машин. Командир полка, нашему, предлагает: «Давайте объединимся». А наш полк был пехотный. Часов в 12 мы зашли в окраину города. А там, в церкви, спасались 6 немецких генералов. Гитлер запрещал сдаваться. Ночью немцы сбрасывали с самолётов бочки с бензином для своей техники, было плохо видно, и мы думали, что это фашистский десант. Оказалось так, что в одном доме на первом этаже были наши, а на втором – немцы. Ночью вышел немец, я попросил у него прикурить, в темноте сразу не разглядел, думал наш. Мы его взяли в плен. Другого немца я обнаружил под кроватью, его тоже взяли в плен. Бой продолжался всю ночь. Немцы выставили пушки на перекрёстке и подожгли все 6 оставшихся самоходок. А на колокольне засел пулемётчик, и продвигаться было невозможно. Я с солдатом вышел в какой-то переулок, а здесь стояла брошенная немецкая 37 мм пушка без прицела. Я через ствол навёл на колокольню, сбил пулемётчика, и наши прошли. Орден Красной звезды я получил за этот эпизод. Много эпизодов войны ушло из памяти.

Помню воздушный бой. Наш ястребок преследовал мессершмит и на наших глазах сбил его пулемётной очередью. Видели, как из нашего истребителя с высоты в 200-300 метров из кабины выпал лётчик, парашют не открылся, и лётчик упал в 50 метрах от нас. Как сейчас помню, на груди у него Золотая Звезда Героя, орден Красного Знамени и не один, одежда от удара о землю распалась по швам. Фамилию лётчика не знаю.

В Германии немец сдавал последний рубеж, мы его добивали в собственной берлоге. Где-то к обеду вышли на реку Нейссе. Ширина небольшая, метров 30, перед ней топкое болото, на той стороне дамба. Глубина речки в месте переправы где-то под грудь. Я был командиром взвода управления батареи. Мне подчинялись разведчики и связисты. В батарею входило 2-3 взвода. В мою задачу входило вести разведку крупных целей, я наносил их на карту и передавал командиру батареи. Мы переправились к вечеру и расположились около дамбы. Немец нас здесь не ожидал. Наблюдательный пункт я оборудовал вместе с пехотинцами. Немец сосредоточился напротив нас в лесу, в метрах пятистах. В лесу мы слышали работу двигателя тяжёлого танка. Мы обстреляли его из 120 мм миномёта, после обстрела больше работу двигателя этого танка не слышали, видимо удалось его серьёзно повредить. Под вечер нам пришлось принять жестокий бой. Немцы пошли на нас через поле. Их было человек 300. Я взял командование на себя, так как командира батареи не было, он во время переправы был ранен в руку. Мы эту атаку отбили. Погибших солдат было много. Затем нас обстреляла артиллерия, и немцы пошли во вторую атаку, мы и эту атаку отбили. Ночью они подползли к самой дамбе и с метров 4-5 забросали нас гранатами. Обстановка была такова, что пришлось вызывать огонь на себя. В одной из атак они нас обхитрили, зашли с фланга и открыли пулемётный огонь. Началась паника, солдаты стали бежать. Как мне удалось их остановить, не помню. Если бы не остановил, мы все бы погибли, и плацдарм был потерян. За шесть дней мы отбили 21 атаку, уничтожили три танка. Последнюю атаку немцы предприняли утром, их было человек 30, и зашли они с тыла. Я поднял солдат в атаку. В пистолете патронов не было, да и у солдат патроны тоже почти закончились. Я поднял с земли палку, и мы с криком «За Родину, За

Сталина!», и это было, бросились на немцев. Немцы испугались и без единого выстрела драпанули. Вот что значит русское УРА. Передать чувство, которое при этом испытываешь, трудно. И самого тревожит, а о немцах и говорить нечего. Это была последняя немецкая атака. По сути дела, мы уже погибали. Командиров рот всех убило. Было это в конце февраля 45 года. Снежное поле перед нами было усеяно трупами врага, а нас после боя за плацдарм из 200 человек осталось 18, сам лично считал. Но мы не оставили ни одного раненого и убитого. Всех переправили.

Когда всё закончилось, командир полка прислал к нам своего повара и спирт из своего резерва, по 50 г. на каждого. Мы со своим другом, евреем по национальности, по фамилии Семён Гланц, а он был командиром взвода миномётчиков 82 мм и был настоящим боевым офицером, выпили по стакану спирта, но почти не ели, не могли. А тут переправляется к нам на лодке зам. командира полка по политчасти. Я ему всё доложил. Тут начался артобстрел. «Где у вас тут укрытие?», – спрашивает. Я ему показал всё, как есть. А здесь уже на штык лопаты появлялась вода. И мы всё время защиты плацдарма стояли в воде. Вскоре приехал командир полка, и этот замполит докладывает ему так, как будто бой за плацдарм его дело. Я, конечно, вспылил, и мы с ним крепко повздорили. И только появившийся начальник артиллерии полка смог нас успокоить. Так как артиллерия уходит последняя, надо передать все данные разведки, нас, естественно, последних переправили на лодке. Потом мы шли через топь, не шли, а бежали, так были рады, что уцелели. Командир полка пригласил меня к себе, накормил соответственно и положил меня на свою постель, спал я целые сутки. Потом замполит пригласил меня и начал расспрашивать. А я говорю: «Ты же знаешь, я тебе всё докладывал». На следующий день писарь полка передал мне, что я представлен к Герою. Но у меня не было особой радости. Просто много пережил на этом плацдарме. Наградной лист о присвоении мне, командиру батареи 120 мм миномётов 600 стрелкового полка 147 стрелковой дивизии, звания Героя Советского Союза был подписан командиром полка полковником Саксеевым 4 марта 1945 года.

Когда меня ранило, в госпитале я снова встретился со своим другом Семёном Гланцем. Он тоже лежал здесь с ранением. А ранило меня при таких обстоятельствах. Форсировали Нейссе второй раз. Это было 18 апреля. Нас было человек десять. Слышу: летит мина. Я кричу: «Ложись!». А я был крайним в группе. И ранило только меня, в руку. Семён и рассказал обо мне начальнику госпиталя. Начальник госпиталя пригласил меня и говорит: «Почему ты не сказал, что ты герой?», - и перевёл меня в отдельную палату.

Первую весть о победе я услышал 1 мая в госпитале, хотя официально война ещё не закончилась. Выступал по радио Левитан. В Москве был парад. Я так расчувствовался, что потекли слёзы. Из госпиталя мы выписались под расписку, так как лечение не закончили. И вот мы втроём догнали свой родной полк, а командир полка стоял на крыльце. Увидел нас и приказал приходить к нему на ужин.

Мы однажды попали под огонь своих «катюш». Снаряды разрывались в верхушках сосен, которые сильно горели, было страшно. Как-то нас на высотке накрыла немецкая артиллерия, и пришлось зарываться в землю руками. Я с тех пор никогда не расставался с большой сапёрной лопатой.

Ближе к границе с Чехословакией, западней Праги, стояли около 1,5 месяцев. Здесь был концлагерь с нашими девчатами. Когда вошли в Чехословакию, жители встречали нас здорово, дружелюбно, приглашали в свои дома, угощали. О победе я услышал так. Мы, трое офицеров, шли из госпиталя к нашему полку, продвигались на фаэтоне. Примерно знали, где наш полк. Подъехали к небольшому городку. Дом приличный. Стоит у ворот крупный мужчина. Бежит от него к нам мальчишка. Мальчик сказал, что нас приглашают в этот дом. А Семён хорошо знал

немецкий язык. Хозяин встретил приветливо, пригласил ночевать. Открыл ворота, и мы въехали. О лошадях, говорит, не беспокойтесь. Раны у нас ещё не зажили. Приходит немецкая медсестра. Она бинт сняла, рана у меня рана нагноилась, в общем, всех обслужила: обработала, как положено, и перевязала. Поднялись на второй этаж. Стол был накрыт, пятилитровая бутыль с вином. Сидим, закусываем, по радио на немецком языке сообщают, что Германия капитулировала. Утром, часов в семь, проснулись от какого-то шума. Смотрим, стоит очередь, человек 300. Оказывается, два поляка забрали у немцев хлеб, а остальным ничего не остаётся. А хозяин был пекарем. Мы этих поляков турнули, а хлеб раздали тем, кто стоял в очереди. Это было в городе Жатиц. Стояли здесь до 4-5 июня. Здесь видели чёрных американцев на доджах, но поговорить с ними не пришлось.

Из армии я ушёл в 1948 году. Последний мой полк, миномётный, был кадрированный, т.е. без солдат, состоял только из офицеров. В мае, в Ровно, по собственному заявлению я был уволен из вооружённых сил. Но по окончании войны звание героя я так и не получил, хотя представление о награде было.

В 1949 году я был приглашён в райком партии, где мне предложили работать в КГБ оперуполномоченным. А когда провожали на пенсию, мне подарили часы, присутствовал на этих проводах Прищепа. Ушёл я на пенсию в звании подполковника. Прищепа предложил мне работу в институте, и мы пошли вместе с ним к директору института Ломинскому Георгию Павловичу. Так я стал работать в 12 секторе».

А дело с моим награждением обстояло так. В конце 60-х, начале 70-х годов был такой Смирнов. Он вёл в Ярославле на телевидении передачу наподобие «Жди меня». Он разыскивал однополчан и организовывал встречи. И был во время войны в нашем полку старший сержант Химич, впоследствии полковник. Он вел в полку учёт офицеров. Накануне праздника 9 мая я решил найти нашего командира полка Саксеева. Он жил в Ярославле. Он и дал он мне адрес Химича. Написал ему. Он нас собрал в Галиче. Иду по направлению к горкому партии. Вижу, идёт полковник, он меня окликнул: «Виктор, это ты?». Это был Химич. Он копался в архивах, искал однополчан, организовывал встречи. Я начал переписываться с однополчанами. Химич высылал мне адреса однополчан. Он организовал Совет ветеранов нашего полка, узнавал проблемы ветеранов и организовывал через власти помощь. Никогда отказывали. Я встречался с однополчанами. Командира полка встретил в госпитале, как раз ему сделали операцию и выносили на носилках. Увидев меня, он очень удивился. Затем встретился с Серёжей Гланцем.

Химич три раза ездил в архив, перебирал бумаги полка и нашёл наградной лист о присвоении мне Героя Советского Союза. Он копию наградного листа мне выслал сюда, в Снежинск. Я показал документ Ольховскому, нашему председателю городского Совета ветеранов. Наградной лист был направлен в службу наград президента, Черномырдину, и был получен ответ, что проводится проверка.

За ратные подвиги в Великой Отечественной войне Виктор Васильевич награждён орденами Красной звезды, Красного знамени, Отечественной войны I и II степени. Все ордена боевые.

17 марта 1995 года Виктору Васильевичу Самойлину указом Президента России было присвоено звание Героя России.

Литературная обработка Г.М. Номоконов

Категория:
Краеведение [1]

Source URL: http://46.45.32.78:8080/news/velikoy-pobede-65-samoylin-viktor-vasilevich-geroy-rossii

Ссылки
[1] http://46.45.32.78:8080/mmc/kraevedenie